

Степан Стурейко
Европейский Гуманитарный Университет
в Вильнюсе

Создание и функционирование афганской семьи в Беларуси (начало XXI в.)

Abstract

Establishing and Functioning of Afghan Family in Belarus

This article is dedicated to detection of family traditions among the Afghans in modern Belarusian environment. The research is based on results of a field work conducted mainly in Belarus in 2009–2012 (it covered 93 informants). It consisted from a series of structured interviews with Afghans who arrived in Belarus and was able to speak Russian. Afghans who failed to learn the language passed a survey. Also I made a series of interviews with a number of Belarusian citizens who are in close cooperation with Afghans. Family traditions include a wide range of wedding, maternity and funeral traditions, the idea of choosing a spouse, an organization of family life and raising of children. In accordance to the results of survey 52% of Afghans perform traditional rituals of family cycle (mostly positive answer was given by a woman). Within the Belarusian society traditional family rituals are passed significant simplification in comparison with those described in ethnographic research made in Afghanistan.

Keywords: Afghans, family traditions, field work, Belarus

Семейные традиции включают комплекс свадебных, родильных, похоронных традиций, представления о выборе супруга, организации семейной жизни и воспитании детей. Согласно результату проведенного анкетирования, 52% опрошенных афганцев выполняют традиционные обряды семейного цикла (в основном положительный ответ давали женщины). В белорусских условиях традиционные семейные обряды подвергаются существенному упрощению по сравнению с описанными в этнографических исследованиях. Данная статья посвящена выявлению особенностей семейных традиций афганцев в современной белорусской среде.

Основой материала стало полевое исследование, проведенное главным образом в Минске в 2009–2012 гг. и охватившее 93 информанта. Для получения сведений была проведена серия структурированных интервью с афганцами, прибывшими в Беларусь, и говорящими по-русски. Афганцы, не успевшие выучить язык, не были анкетированы. Также было проведена серия интервью с гражданами Беларуси, тесно взаимодействующими с афганцами.

Создание семьи в афганской традиции можно рассматривать через призму построения социальной сети и продвижения экономических и политических интересов родственников. Афганская свадьба – это средство межклановой коммуникации, один из инструментов стратегии жизнеобеспечения. Женщина – своеобразный репродуктивный ресурс, поэтому их родители очень неохотно принимают калым от семей низших по социальному статусу, а те, напротив, очень стремятся выкупить женщин у семей высшего социального статуса.

Показательно, что выплата калыма и организация свадебных торжеств является одной из самых серьезных статей расхода афганской семьи. Иными словами, серьезные семейные деньги вкладываются в женщин, которые впоследствии должны принести сыновей, что упрочит положение рода. В последнее время традиция уплаты калыма постепенно размывается: афганец, около 40 лет:

Калым платится? – Буквально в прошлом году я поехал в Кабул, помолвлен, невеста там моя. Зависит от того как где. В Кабуле нет такого, не принято. – Бывает, что это серьезные деньги? – Бывает, очень серьезные. Но это зависит от семьи, от отца, от культуры и менталитета того города. В Кабуле это единицы могут... Но есть другой минус, что вот свадьба на 700 человек обойдется очень дорого. Поверьте, это к сожалению всем надо соблюдать. Независимо из Кабула ты – не из Кабула, так принято, никуда не деться (Материалы: 119)¹.

Девушка, вступая в брак, уже ментально подготовлена к осознанию своей роли (представления о семейном счастье при заключении договоренности о свадьбе не берутся в расчет), поэтому априори снижает свои ожидания. Женщины из бедных семей находятся немного в выигрышном положении, поскольку имеют высокие шансы улучшить свое материальное положение, проявив некоторую активность в привлечении потенциальных мужей и создании среди них своеобразной конкуренции.

В Беларуси организация свадьбы может идти по двум направлениям.

Мужчина сам ищет себе жену (в таком случае женой чаще всего оказывается белоруска) „Женятся на белорусках очень охотно. Нравятся им эти женщины – по другому себя ведут. Больше свободы. Они сами могут

¹ Все цитаты тут и далее по: Матэрыялы палявой работы па тэме „Этнічныя групы Афганістана на Беларусі (канец XX – пачатак XXI стст.)” за 2007–2011 гг. // Архив ГНУ „Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси”. Ф. 6., Оп. 14., Ед. хранения 167. 126 л.

выбирать” (Материалы: 5); „Сами знаете, что мужчина любит посвободнее. И здесь они эту свободу получают. Не от наших, а от белорусок. Вот поэтому у нас свадьба очень трудно случается между нашим парнем и нашей девушкой, которые живут в Беларуси. В основном свадьбы, какие есть – это жених афганец, а невеста – белоруска” (Материалы: 48). Информанты также субъективно отмечают распространенность данной практики (к сожалению, проверить следующее утверждение эмпирически весьма затруднительно): „Есть такие афганцы, которые в Германии живут, в Канаде – они не могут ехать в Афганистан. Но им надо жениться. Поскольку я не знаю по каким причинам, допустим в Канаде канадки не выходят замуж. Я не знаю в чем проблема у них. В Америке, Германии – это единицы, чтобы афганец был женат на немке или американке. А в Беларуси наоборот. А думаю 70% афганцев, которые тут живут – жены белоруски” (Материалы: 118).

Родители сами договариваются за молодоженов, от них требуется лишь подтверждение согласия воли родителей: „Сначала родители договариваются. Они друг друга должны знать – из какой семьи, из какой фамилии, и как дальше молодые будут жить. Все это важно. Даже важно чем занимается жених и что дальше, как они будут жить, где” (Материалы: 48); „Я никогда не знаю случая, что вот афганская девушка встречалась с афганским парнем, и вот случилась свадьба. У них всегда это какой-то сговор. То жених приезжает из Голландии, то невесту привозят из Афганистана, то еще что-то. То есть кто на ком женится – это в семье решается” (Материалы: 4).

Для установления контактов используются современные телекоммуникационные средства связи:

Это типа знакомства по интернету. По интернету тоже ведь люди не знают. Вот отправят родители по интернету фотографию. Вот есть хорошая девушка, лицо видно. Ну пообщаться не дают, поговорить – этого нет. Показывают максимум фотографию. Есть такие, что просто родители говорят – сестра, мать, [мол] есть хорошая девушка, образование [имеет]. Просто ему рассказывают внешние данные. И потом он должен решиться. К сожалению, я слышал такое есть, что в некоторых местах парень если не хочет, родители [его заставляют]. Есть такие случаи, но теперь уже родители мнение детей слушают как-то. Но максимум показывают фотографии и резюме. Где училась, как работает. Родители гарантируют поведение ее (Материалы: 119).

В таком случае речь может идти о браках между афганцами-мигрантами, живущими в различных странах либо между живущими в Беларуси и Афганистане: „Вот из Голландии приехал жених ему 30 лет, он женился на сорокатрехлетней афганке, которую никто никогда не брал замуж и повез ее к себе в Голландию. На самом деле случился сговор, и хочешь – не хочешь, кидай всех своих родственников, езжай смотреть” (Материалы: 5).

В некоторых афганских семьях помолвка может совершаться за много лет до свадьбы, когда жених и невеста еще не достигли брачного возраста. Постепенно традиция заключения брачных союзов родителями уходит. Афганки отмечают это как позитивный модернизационный процесс: „До

свадьбы нет [мужа не видела]. На свадьбе увидела. У нас нельзя. Я конечно не одобряю такую ситуацию. Но такой был закон” (Материалы: 37); „Теперь все поменялось. Вот в нашем возрасте мы друг друга вообще до свадьбы не видели, не слышали, ничего. Все решают за нас родители. А сейчас по другому. Сейчас уже и помолвка важна” (Материалы: 48).

Вообще возраст заключения брака для девушек в Афганистане был довольно низким, таким он остается и в Беларуси: „Как угодно. Хотя в 15. Я видела даже момент, когда было с 13-ти. Как массовое явление – где-то лет с 17-ти. Потому что девочкам тоже хочется получить образование” (Материалы: 86); „Девочки здесь не хотят выходить замуж рано. Я знаю девочек, к которым уже сваты приходили. Все девочки не хотят. Потому что хотят образования” (Материалы: 4). Для мужчин ранние браки (но не помолвки) не характерны: „Некоторые в 29 вступают в брак, некоторые в 30. А некоторые... Но конечно чтобы мальчик в 20 лет женился у них нет такого” (Материалы: 86).

Особенностью заключения браков между афганцами, в том числе и живущими в Беларуси, является возможность создания семьи между родственниками: „Да, некоторые семьи любят, а некоторые никакого значения не придают. Вот даже двоюродный брат (может быть женихом). Да, такие случаи есть” (Материалы: 48); „Говорят – вот есть хорошая девушка или родственница, или дальняя родственница” (Материалы: 118); „Они все братья и сестры, каким-то образом друг с другом связаны. Это все очень сложно. Живешь-живешь, не знаешь, потом оказывается, что родственник” (Материалы: 21).

Таким образом, мужчины-афганцы пользуются намного большей свободой в отношении выбора невесты нежели женщины в отношении выбора жениха. На женщину налагаются ограничения, своеобразный запрет на межкультурные браки: „Нельзя. По закону, по вере ислама – нельзя. На самом деле сами уже знаете, что здесь у нас тоже девочки 12–13 лет. Они сидят, учатся с мальчиками-белорусами. Но я, как обязанность, объяснила своей дочери, что нельзя по Корану. Счастливой не будет” (Материалы: 54).

При определенных условиях это ограничение может быть смягчено (для девочек из межэтнических браков), однако в любом случае девушки находятся под угрозой исключения их афганского сообщества: „Конечно, [за белоруса] может выйти, но не принимают такого. Хотя могут дочери земляков, жена которых была белоруской, здесь выросли и могут обратно за белоруса. Это от смешанного брака. А от чисто афганского нет. Нет, не встречал такого” (Материалы: 99); „Вот например иранский или мусульманский если есть молодой человек, который придет и скажет, что люблю Вашу дочь и мы принимаем ислам – вашу веру, полностью, то мы принимает такого. Это нет вопросов. Если можно конечно. Но таких не бывает” (Материалы: 71).

Отдельно следует сказать о полигамных отношениях. Согласно шариату мусульманин может иметь до 4 жен. В Беларуси полигамия официально запрещена, однако некоторые афганцы продолжают заводить несколько жен,

не афишируя их перед окружающими. Полигамные отношения могут иметь место и в межэтнических браках. В таком случае наличие „второй семьи” скрывается от белорусок. Иногда, будучи на различных торжественных мероприятиях в одном помещении, белорусская супруга не догадывается о том, что сидит за одним столом со „второй женой” ее мужа: „Они не афишируют, но я знаю. Эти семьи друг про друга знают. Они этому не радуются, но знают. Вот у нас папа ушел и завел другую семью. От белорусских женщин скрывают, что есть еще одна семья. От афганок не скрывают” (Материалы: 22).

Таким образом, брак афганцев и в Беларуси остается элементом стратегии жизнеобеспечения. Более того, в случае с внутриэтническими союзами сохраняется сам механизм организации пары. Решение о заключении брака семьями женихов – пожалуй, наиболее хорошо сохранившаяся традиция у мигрантов, которую они стремятся передать и своим детям. Большинство детей, выросших в Беларуси, однако еще не достигли брачного возраста, поэтому проследить их восприятие этой традиции пока затруднительно. В ситуации с межэтническими браками афганцы не проявляют особого рвения в соблюдении культурных традиций.

После свадьбы в Афганистане невеста переезжает в дом родителей жениха, и с этим связан целый цикл особых обрядов. В Беларуси же по чисто экономическим причинам традиционная афганская вирилокальность замещается неолокальностью: „Потом если у родителей большая квартира, то они переезжают. Но только невеста к жениху. А [поскольку] случаи есть, как у нас здесь у многих мальчиков, что нет родителей, [тогда] они переезжают к родителям невесты домой” (Материалы: 54).

Как уже упоминалось, браки афганцев с белорусками очень распространены (это престижно). Афганцы в межэтническом браке в бытовом отношении проявляют культурный конформизм, соглашаясь на общепринятые в Беларуси культурные нормы семейной жизни. Тем не менее, во вне узкосемейных отношениях они остаются верными этнокультурным традициям. Мужья считают детей от таких браков преимущественно афганцами, хотя те по понятным причинам уже не могут в полной мере принадлежать к афганской культуре.

Культурному конформизму в смешанных семьях противоречит традиционная строгость в моноэтнических: „У них уважение к старшим очень-очень сильно развито” (Материалы: 19). Центральным членом типичной моноэтнической афганской семьи считается самый старший отец (среди живущих под одной крышей). Даже в нетрудоспособном возрасте он продолжает оставаться номинальным, „почетным” главой большой семьи: „Когда старший сидит – надо сидеть, когда старший уходит – все поднимаются на ноги, провожают так... Все слушают старшего – одного человека. Я считаю, хороший вариант, потому что тогда дисциплина и никто не ругается” (Материалы: 38). Все семейные события происходят только с его согласия. Все должны беспрекословно подчиняться ему: „Как они себя ведут – надо смо-

треть на старшего. Старший себе берет блюда, и потом другие делают то же самое” (Материалы: 58). Семья подстраивается под его рабочее расписание. В компетенции отца решение таких вопросов, как выбор и согласование брачных партнеров членов семьи, определение необходимости в получении образования всеми детьми, управление семейным бюджетом. Мужчине, тем более главе семьи, вообще не принято готовить, стирать, мыть посуду и делать уборку: „Конечно мужчина не будет мыть посуду – это делают женщины, девушки” (Материалы: 59).

Второй человек в семье – старший сын и потенциальный следующий самый старший отец. В случае немоги отца он становится фактическим (но не номинальным) главой семьи. Он – единственный наследник в экономическом смысле: „девушки младшие – они всегда боятся старшего брата, потому что он всегда стоит на защите чести и достоинства своих младших сестер” (Материалы: 87);

как правило, чаще всего старший брат в семье все равно есть. Даже если девочкам 15, а брату 17, то все равно боятся. У некоторых даже было так, что они не разрешают в школу ходить сестрам. Я иногда разговаривала с ними. По-плохому не разрешают на сцену выходить, потому что я так сказал, я так решил (Материалы: 87–88).

Далее все семейные роли распределяются по старшинству. Старший сын, женившись, дает согласие на свадьбу младшего сына.

Младшие братья занимают скорее подчиненное положение до тех пор пока проживают вместе с основной семьей. Тем не менее, они обладают большей возможностью поступить в университет, т.к. старшие рано начинают работать. Младшие, если хорошо учатся, имеют шанс убедить семью выделить им время и средства для получения хорошего образования. Дети без образования находят работу в семейном бизнесе.

Женщины в семье играют подчиненную роль. Геронтология также распространяется на их взаимоотношения, однако с некоторыми оговорками. Реальную роль женщины в афганской семье определяет близость к самому старшему отцу. Это позволяет непосредственно влиять на принятие отцом тех или иных семейных решений. Таким образом, жена самого старшего отца обладает большим престижем нежели старшая сестра отца (хотя в то же время и сестра по праву старшинства имеет очень весомый голос в семейных делах). Далее иерархия женщин в семье проецируется отношениями с мужчинами. Низшую позицию занимает жена младшего сына – это самый «новый» человек в семье.

Жена отца – это „мать семейства”. На ней держится домашний очаг, в ее обязанности входит подбор жен для сыновей. Старшая сестра – основная опора матери, помогает по хозяйству, следит за братьями и сестрами:

Вот у меня 3 дочки и 1 сын. По уровню жизни самая старшая любит младших, но младшие должны слушать, уважать старшую сестру, и никогда не хамить, не ругаться. Если он что-то говорит, она должна ставить правильные вопросы, и это должно выполняться-

ся. Если не выполняется, и могу наказывать почему ты не выполняешь старшей сестры просьбу, веление, указание? (Материалы: 108–109).

Даже после собственной свадьбы, уйдя из дома в новую семью, она продолжает иметь совещательный голос при принятии семейных решений. Дочери, как и сыновья, выдаются замуж по старшинству. Последние дочери семьи имеют шансы за счет постепенного повышения социального статуса семьи ввиду предыдущих браков получить предложения от наиболее выгодных супругов. Однако они имеют большой риск состариться, дожидаясь своей очереди.

Как показало исследование, в Беларуси афганцы пытаются воспроизводить традиционную структуру семейных взаимоотношений, однако здесь это делать гораздо сложнее в силу двух факторов:

1) транснациональная «разорванность» семей. Вдали от родины афганцы удаляются от своих отцов, семьи приобретают «рваный» характер – старший брат может проживать совместно с самым младшим, а отец и средние братья могут оставаться в Афганистане либо в различных других странах: „брата нет, сестры нет, родственники в других городах” (Материалы: 9). В таком случае номинальное старшинство сохраняется (и поддерживается), но больше не совпадает с фактическим. Родственная взаимопомощь не может более оказываться на должном уровне;

2) невозможность по материальным причинам в белорусских городах проживания большой семьи в едином большом доме так, как это принято в Афганистане:

Для [семьи] нужна минимум трехкомнатная квартира. В месяц за нее платить стоит 300–400 долларов в Минске. Вот сами считайте. А семью держать в однокомнатной – это позор, это если кто узнает, это позор. Да и неудобно просто – 8 человек в одной комнате, это даже можно не поместиться (Материалы: 112–113).

Белорусская городская культура предполагает большую степень семейной автономности и индивидуализации, свидетельством чему являются размер типичных городских квартир. Афганцы высказывают сожаление по поводу нарушения сложившейся семейной традиции, однако в самом Афганистане жить отдельно от родителей и старших братьев – престижно, ведь откальваясь от большой семьи мужчина со своей женой из статуса младшего брата трансформируется в самого старшего отца в своем доме.

В афганской традиции роль мужчины и женщины в семье различна. Довольно строгой и детальной регламентации на основании мусульманских традиций подвержен каждый из полов. Безусловно мужчина доминирует, на поведение женщины же накладывается гораздо больше ограничений. В то время как на мужчину возлагаются функции управления, материального обеспечения семьи, ее репрезентации, женщина «должна» обеспечивать порядок в доме и воспитание детей. В условиях адаптации в Беларуси

данное распределение функций в целом сохраняется и приводит к нетипичным последствиям.

Женщины часто исключены из внешнего внесемейного общения. По ряду причин многие женщины, прожившие в Беларуси 20 лет, до сих пор не владеют русским языком: „Понимают, но не все. Дома сидят, общения нет. Поэтому с русским им тяжело особенно говорить” (Материалы: 74); „Чаще [гости] ко мне приходят, тогда уже пир горой, как это у вас говорят. Жена у меня афганка, но и она уже благодаря гостям чуть может сказать что-то по-русски. Понимает хорошо, но с разговором плохо” (Материалы: 110). Для них организованы курсы в СШ № 136 г. Минска, куда женщины могут приходить прямо с детьми. Как показало наблюдение, курсы стали своеобразным клубом для женщин и их реальная лингвистическая эффективность низка. Ввиду незнания языка женщины замыкаются в своем круге общения, редко выходят из дома („куда угодно [женщина] уходит – должна спрашивать мужа. Или скажет, что у меня сегодня учеба до столько... Вот это должна обязательно сказать своему мужу” [Материалы: 55]). Подобное положение женщин отражается и на воспитании детей, на процессы их социализации и ассимиляции.

В Афганистане женщинам не принято работать: „На то время многие мужчины не хотели, чтобы жена работала. Это как-то как скандал был, что мужчина не может обеспечить свою семью, и жена пошла на работу” (Материалы: 36). Это обусловлено не только обычаями, но и той хозяйственной ролью, которую женщина играет в семье, количеством детей, требующих постоянного внимания. В Беларуси афганки сохраняют свои „домашние” функции („Свободное время – это сложно. Понимаете, имею четверых детей, и им надо постирать, приготовить. И мужу приготовить” [Материалы: 23]). Однако оказываясь в сложном материальном положении в Беларуси, а также лишаясь привычных функций, многие женщины идут на работу, проявляют гораздо большую экономическую и общественную активности (примеры – работа в школе с афганскими детьми, создание так называемого „Женского клуба”, помощь и консультации новых мигрантов в юридических и бытовых вопросах).

В ходе исследования среди афганок был зафиксирован феномен двойного поведения, когда женщины на работе и на улице соблюдают одни культурные нормы, а дома – совершенно другие. При этом необходимо констатировать, что большинство афганок еще недостаточно адаптированы к белорусским культурным реалиям. Женщины-мигрантки первого поколения имеют низкий уровень образования, не осведомлены о социальных возможностях, которые открываются для них в Беларуси.

Трансформации, вызванные процессом адаптации, заметны даже во внешнем облике афганцев. Если мужской комплекс городской одежды в Беларуси претерпевает скорее стилистические изменения (в Минске на рынках можно видеть мужчин, одетых в длинные рубахи навыпуск), то женский меняется гораздо существеннее. В Беларуси женщины постепенно

отказываются от соблюдения в одежде специфических правил шариата. На минских улицах никто не носит чадру (хотя у некоторых женщин (пуштунок) их чадры хранятся до сих пор). Белоруска, работающая с афганцами: „Я видела в этих национальных одеждах только белорусских женщин, вышедших замуж за афганцев. Я видела двух-трех. Больше не видела. Где-то они есть наверно. Но афганки сами по себе, чтобы они одевали такие наряды, я не видела. В лучшем случае платок” (Материалы: 5).

Постепенно некоторые женщины отказываются от обязательного ношения платка, открывают волосы. Одежда уже не обязана закрывать все открытые части тела. Женщина-афганка: „Женщины всегда одевают такой платок, я им говорю, что здесь не надо. Бог тебя простит, потому что ты живешь в другой стране. Но они до сих пор с платками” (Материалы: 44). Вместе с тем, именно в женском комплексе одежды сохраняются традиционные афганские стилевые особенности. Афганские женщины все еще не могут позволить себе одеваться так свободно как белорусские. Афганки очень любят золотые украшения. По ним измеряется положение женщины в обществе и положение той семьи, из которой женщина родом.

Таким образом, в Беларуси женщины разделяются на две категории: 1) те, кто в силу жизненных обстоятельств либо личностных особенностей быстро адаптируются (в таком случае они реализуют модель двойного поведения и обретают новые функции); 2) те, кто замыкается в семье и реализует модель бытовой культуры с элементами этнокультурных традиций, привезенную из Афганистана, с поправками на новую хозяйственную среду (таких большинство).

Мужчины продолжают выполнять те же функции, что и в Афганистане, с разной степенью адаптации к белорусским реалиям и знания языка. Более подробному изложению особенностей внесемейных активностей мужчин будет посвящена следующая глава исследования.

В условиях миграции происходит модернизация традиционных семейных отношений, эмансипация. В Афганистане семейный быт и положение женщины у афганцев регулируется с одной стороны нормами мусульманского права, с другой – живыми еще обычно-правовыми нормами. В Республике Беларусь семейная жизнь формально регулируется современными правовыми нормами. Правда, имеет место неосведомленность женщин о своих законодательно утвержденных правах, поэтому женщины могут оказываться в затруднительном положении, подвергаться дискриминации: „У них очень сложные отношения. Во всех семьях сложные... Есть семьи, где все просто поставлено на физической силе. Есть семьи где поставлено все на договоренности. Но в основном на покорности женщины. Это большую часть” (Материалы: 63). Фиксируются и конкретные случаи насилия: „Например в семейных отношениях – насилие. Был случай, когда я сюда вызывал человека, объяснял почему ты бьешь жену и детей? Он сказал – это моя жена, что хочу, то и делаю... 15 суток он получил. Человеком

стал. Но потом опять продолжал. Вот недавно опять его жена обращалась” (Материалы: 33).

Тем не менее даже в таких ситуациях отношение к разводам в семьях негативное:

Разводы бывают в семьях? – Это очень горячий вопрос, особенно здесь. Очень женщины переживают. Это зависит от наших мужчин, от ваших женщин. Здесь вообще как-то не очень серьезно принимают свадьбу, а у нас очень серьезно. Мы один раз в своей жизни замуж выходим и все. Муж будет хороший или плохой – все, у нас вообще закрыта эта тема (Материалы: 72);

Кто инициирует развод? – Вообще невозможно я Вам скажу по-честному. Вот например есть когда очень плохо муж и жена живут, ругаются, не в ладах. Но все равно развода нету. А нашему мужчине разрешают еще раз пожениться; Это и в Минске может быть? – Конечно. Но вообще-то нет случая такого. Но по законам нашим можно. А женщина вот один раз замуж, одна свадьба и все» (Материалы: 55).

Безусловно, отсутствие либо крайняя нежелательность разводов объясняется не только обычаем, но и вполне рациональными причинами:

К сожалению, если будет плохо в семье, скандалы, и тогда разводов нет... Все семьи, которые я знаю – вокруг них нет родственников, поэтому они терпят. Потому что выхода нет. А если бы мы жили на своей родине – вокруг братья, папа, мама. Тогда, если муж себя плохо очень ведет, что вообще терпеть нельзя, тогда конечно есть развод. Особенно когда женщина молодая (Материалы: 72).

Лояльное отношение к разводу может восприниматься некоторыми мигрантами в качестве признака интеграции в принимающее общество: „много слышу от наших, которые проживают на Западе, которые там с семьями, много между ними разводов получается. А тут еще такого нету. Вот может быть они глубоко пошли в ту культуру, свободно могут” (Материалы: 91).

Впрочем, поведение супругов регулируется и оценивается ими самими с точки зрения устоявшихся в Афганистане мусульманских норм, поэтому порой даже явная дискриминация и насилие может восприниматься как нормальные отношения: „все основано на покорности женщины. Она все стерпит. Абсолютно все на свете” (Материалы: 63).

По поводу различий в организации семейного быта в пуштунских и таджикских семьях афганцы высказываются неопределенно: „У нас таджикская семья – они более современные, они как-то по другому. А пуштуны – они строгие. Особенно мужчины. На самом деле это зависит от мужчины в семье. Как он себя поведет. А на самом деле все одинаковые, ничего особенного нет” (Материалы: 71). Скорее всего устоявшихся различий, по крайней мере в Беларуси, не существует.

Афганские женщины в Беларуси являются носителями исламских традиций и афганский бытовой культуры, в частности культуры питания: „Я сейчас помогаю детям к школе готовится, готовлю. Это у вас называется домохозяйка. Я когда-то хотела в школе работать, и тест проходила. Мне работы хватает с детьми” (Материалы: 23).

Каждая женщина знает десятки разнообразных рецептов, редко обращается к помощи кулинарной литературы (если только речь не идет о европейских блюдах), в обязательном порядке передает свои знания дочерям: „Я могу готовить и знать для 20 человек сколько надо продуктов, и для двух могу, потому что у нас женщины все хорошие повара, со вкусом. Без учебы и без книжек” (Материалы: 58). Мужчины, как правило, не принимают участия в приготовлении пищи, делают это только на праздники: „Мужчина тоже готовит. Наверно если 100 раз женщина, то один раз мужчина” (Материалы: 59).

Со временем в питании афганских семей появляются белорусские городские черты: это связано с использованием белорусских продуктов и полуфабрикатов, расширением кругозора хозяек и т.д. Покупка белорусских продуктов порой приводит к курьезным ситуациям:

На бутылке – яблоко, значит давай купим напиток для детей. А это оказался уксус. Мы не знали. И сало купили. У нас есть очень хорошее вкусное масло шам, такое же белое как жир свинины. Я говорю – о, такое же, как в Афганистане, давай купим. И купила. Потом копченая колбаса – для нас было новое на вид. Что это такое? Давай попробуем. И все новое пробовали. Потому что у нас в Афганистане что-то купишь и готовишь дома, а тут все в магазине можно купить, забрать и кушать (Материалы: 40).

В остальном Афганцы, проживающие в Беларуси, достаточно европеизированы в бытовом плане. За исключением редких случаев афганцы в Беларуси живут в обычных городских квартирах. Результаты исследования показали, что в Минске в квартирах в среднем совместно проживают по пять человек. В зависимости от материального положения семей жилищные условия могут существенно различаться, поэтому выделение каких-либо тенденций затруднительно. Из обстановки обычно в домах присутствуют афганские ковры (специально заказываются и привозятся из Афганистана). В мусульманских семьях в квартирах обязательно имеется Коран. В условиях отсутствия мебели афганская традиция сидеть за столом скрестив ноги по-турецки и спать на полу воспринимается как должное, некоторые афганцы пытаются объяснить такое положение пользой для здоровья.

В первое время после переезда, в условиях материальной стесненности, женщины пытаются воспроизводить привычную домашнюю обстановку. Постепенно афганцы знакомятся с устройством быта в белорусских семьях, смотрят телевизионные передачи, получают консультации служб социальной опеки, сотрудников различных организаций, и через несколько лет, по мере роста материального достатка, обстановка в их квартирах становится практически идентичной типичной белорусской.

В потреблении культурных продуктов можно выделить тенденцию предпочтения иранской и индийской музыки, кино и литературы. Афганцы, имеющие возможность ездить в Афганистан, в европейские страны или Российскую Федерацию, привозят с собой книги, диски и другую афганскую культурную продукцию. Многие семьи приобретают спутниковые антенны, и имеют возможность смотреть афганские и другие телеканалы. Афганцы, выросшие в Беларуси, слушают современную западную музыку, ходят в кинотеатры и т.д.

Таким образом, можно выделить различные уровни семейной жизни по интенсивности соблюдения афганских этнокультурных традиций. Традиционная афганская структура семьи поддерживается, однако приобретает все более формальный характер, что связано с самой ситуацией перемещения и оторванности от родственников. В этой ситуации некоторые семейные институты ослабляются (иерархичность семьи), а некоторые продолжают быть крепкими (развод). На бытовом уровне материальная культура афганцев европеизируется (пожалуй, за исключением традиций питания), религиозные практики приобретают все более формальный характер.

Изучая трансформацию семейных традиций афганцев, живущих в Беларуси, трудно определить насколько на самом деле в нее проникли белорусские, европейские городские культурные нормы. Афганцы, выступившие в качестве информантов, не являются представителями сельских общин, описываемых в этнографической и справочной литературе. Вместе с тем можно констатировать, что основные схематические элементы семейных традиций, описанные в этнографической литературе, воспроизводятся ими в Беларуси достаточно точно. При этом афганцы для возобновления порядка выполнения традиций периодически пользуются справочной литературой, интернетом. Это говорит о размывании традиции, в особенности у афганцев-мужчин. Женщины (даже вполне европеизированные и адаптированные) продолжают оставаться наиболее активными сторонниками выполнения исламских и национальных обычаев.

В то время как комплекс материальной культуры оказался подверженным изменению практически полностью (за исключением питания), семейная обрядность демонстрирует определенную устойчивость.

Мужчины и женщины, даже спустя несколько лет после прибытия в Беларусь, продолжают выполнять в семье те же основные функции, что и в Афганистане. Брак в афганской среде и в Беларуси остается элементом стратегии жизнеобеспечения. Более того, в случае с внутриэтническими союзами сохраняется сам механизм организации пары. Решение о заключении брака семьями новобрачных – пожалуй, наиболее хорошо сохранившаяся традиция у мигрантов.

Афганцы по-разному репрезентируют собственные культурные установки в ситуации общения внутри семьи и с местным населением.

В первом случае имеет место проявление максимальной лояльности по отношению к нормам и традициям. Этнокультура подтверждает свое зна-

чение в качестве коммуникативного кода, малопригодного для коммуникации с теми группами, которые являются носителями другого кода. Так, 64% анкетированных афганцев считают, что настоящая дружба возможна только с афганцем.

Во втором случае – переход (по крайней мере его намерение) на общепринятые белорусские культурные нормы. Некоторые выходцы из Афганистана настолько хорошо восприняли белорусские культурные нормы, что теперь высказывают опасения, насчет того, что при возвращении на родину, вероятно, уже не смогут правильно выполнять все предписания афганской традиционной культуры.

Источники

Архив Государственного научного учреждения „Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси”. Фонд 6, опись 14, единица хранения 167 Матэрыялы палявой работы па тэме „Этнічныя групы Афганістана на Беларусі (канец XX – пачатак XXI стст)” за 2007–2001 гг. – 126 л.